

Л. С. Выготский

О музее им. Луначарского

Мне не хотелось бы, чтоб эта заметка была понята, как упрек—лицам-ли, учреждениям-ли или жалоба в газету вроде тех, что меня милиционер обидел. Менее всего я собираюсь обвинять. Цели мои на этот раз существенно практические. Поэтому я затеваю уже много лет назревший деловой разговор об искусстве в Гомеле—и прежде всего о музее им. Луначарского.

Как-то на одной из губернских конференций работников искусств я с некоторой остротой и страстностью поставил вопрос о том, что музей содержится недопустимо плохо, указал людям, делавшим политику в области искусств в нашей губернии, что именно вызывает постановке дела самое отрицательное к себе отношение. Несогласных почти не было (по крайней мере из говоривших)—так очевидны и просты были те вещи, на которые я указывал, так понятны и доступны уразумению всякого неспециалиста. Больше выражали удивление, как это до сих пор никто не заметил, как это еще не переделано—поговорили, записали даже в протокол. С тех пор прошел уже не один год, и насущная потребность в коренной реформе делается с каждым днем острее и острее. Теперь опять затеваю старую тяжбу—на этот раз в печатном деловом обсуждении.

Музей наш составляет громадную ценность. Он знаменит—его показывают всем приезжающим знаменитостям, и они расписываются в полном удовольствии, которое доставил им осмотр. Про него еще не написано в энциклопедическом словаре, но скоро, наверное, напишут. В Огоньке поместят портрет заведующего, а чужие, в далеких городах, люди, интересующиеся искусством, всегда спросят вас, при случае, о музее. Мне привелось не один раз слышать и в главмузее, и от частных людей об искусстве, и в каком-нибудь университетском семинарии по искусству, что музей ставится на одно из почетнейших мест в ряду русских исторических и бытовых собраний памятников.

Но сам музей, как он открывается нам,—«прекрасный музей, но это же не музей, это какая-то богатейшая княжеская кладовая». Так отзывался уже уст-

но, после подписи в книге для почетных посетителей—один из приезжих почетных гостей. В самом деле, посторонний человек раскрыл глаза. Сотни экскурсий (имена, количество и даты не умрут в учетно-статистическом отделе), тысячи просто одиночных посетителей бродили по музею, осматривали его и теперь должны узнать (узнай и ты, заведующий, вместе с ними), что они были не в музее—осматривали не музей, а княжеский чердак, куда в аккуратнейшем порядке аккуратнейшими дворчниками снесены и бережно расставлены самые разнообразные вещи, с которыми они не знают, что делать. Клык мамонта, широчайшая кровать княгини, палатка персидского или турецкого паши, картины Орловского, арабские монеты, кони Рафаэля, письма Жуковского, лампы, мозаика, рукописи Крылова, фарфор, Коран, статуи и еще, и еще, и еще.

Всю эту массу вещей, все это нагромождение всякой всячины объединяет только два признака. Во первых, это все очень дорого стоящие вещи и их надо тщательно держать под хорошим замком. Во вторых, это все—в громадном большинстве своем принадлежало некогда князьям Паскевичам. В остальном—только на чердаке или в кладовой вы встретите такое странное сообщество вещей.

В самом деле, музей есть собрание каких-либо памятников, подобранных с определенным смыслом и в определенных целях. Есть музей живописи и скульптуры, есть этнографические, есть исторические и пр. и пр. И все они имеют свой смысл и свою цену—просветительную и всякую иную. Чем хочет быть гомельский музей? Он этого не знает. Скорее всего, кладовой ценных вещей. Спросите кого угодно—первого встречного—и он подробно объяснит вам, что в загроможденной кроватями и безделушками комнате, переводя глаз с одеяла на клык мамонта, нельзя рассматривать картины и преступно их так показывать людям, первый раз часто в жизни (и не долго единственный раз) видящим картину. Разрозненная и потонувшая в море музейной и музейной (не всегда насто-

ронней массы вещей, картина пропадает и теряется, а музейного, воспитывающего действия уж, конечно, не имеет. Человеку, знающему музей, не всегда легко найти нужную картину, заметить, посмотреть, отдать себе отчет в виденном. А приходим впервые? Им остается одно из двух: или подсчитывать, сколько рублей золотом все это стоит в отдельности и вместе взятое, переводить это мысленно в червонцы, советские и обратно (это для реально мыслящих и людей настоящего), или заключать, как богато жили князья когда-то, в какой роскоши (для исторически мыслящих и мечтательных). На другое—посещение музея не наведет мысли. **Да и что другое выражает музей, как таковой, как собрание ценностей; чем объединено оно, как не этими двумя моментами—ценностью и княжеским наследством?**

Но картины—часть. Так же, как посторонние вещи мешают картине, так в этом складе ценностей и картина мешает кое-чему. Ценные памятники краеведения, художественной промышленности, литературные—все это тонет и пропадает бесследно почти в той дорожной неразберихе, которая, право же, зря зовется музеем. Все это имеет ценность и смысл—особые для каждой группы. Клык мамонта—один, кровать Паскевичей—другой, рукопись Крылова—третий, живопись—четвертый.

Итак, у нас нет музея, а есть склад; надо из склада сделать музей. Иначе просветительное значение музея сводится почти на нет, и у его хранителей остается одна почтенная задача и обязанность—

Замок охранять.

Подушки князя поправлять.

Как пошутил в стихах Лелевич.

Лет шесть уж поправляют подушки

Не пора-ли другим делом заняться?

Я знаю хорошо, что на все это есть один обычный ответ. Говорят, что склад наш при всем своем богатстве беден для того, чтобы создать одного какого-нибудь определенного типа музей; что не виноваты-же мы, если нам достались разные и несоместимые вещи,—не выбрасывать же ценности и не стать же открывать пять музеев. А потому наш музей должен быть, в сущности, исторически-бытовым, то есть, собранием исторических памятников быта, культуры прошлой эпохи. Что это имеет цену и смысл, как всякий живой памятник

прошлого,—кто-же станет спорить. А раз так, то музей должен преследовать только исторические цели—сохранить живой кусок старины в возможно нетронutom виде. Он должен рассказывать о том, как жили, конечно, не Паскевичи, а русское знатнейшее дворянство. А в замке были собрания самых разных вещей, и картины висели именно в тех комнатах, где стояли кровати, лежали на столах письма и т. д. Сохранить облик живой усадьбы, жилого дома и помогает вот эта разнородная куча вещей. А живопись и все прочее имеет служебное значение, как подробность и деталь обстановки жилых комнат, как документ быта.

Все это очень верно. Такие культурные островки прошлого, дворцы-музеи, усадьбы музеев—есть. Ничего понятнее и проще, чем исторически-бытовой музей, и вообразить нельзя. И наряду с музеями специальными, где вопрос развески картин и размещения предметов приобретает важность первостепенной просветительной проблемы,—есть музеи которые хотят сохранить все так, как было, потому что в этом их цель. Недавно хранитель Лукомский сообщал в печати, что в одном из дворцов бывшего царя даже листок на календаре висит тот самый, который висел в последний день, и ручка лежит так, как в последний раз была положена.

Но в том и беда, что и на такой музей наш склад так же мало подходит, как шуг гороховый на серьезного гражданина. Вы хотите уверить кого-нибудь, что когда-нибудь, кто-нибудь, где-нибудь жил так, что склад наш сохраняет картину прежнего быта и отомедненной жизни?

В том-то и дело, что картина эта давно и безвозвратно искажена и нарушена и сохраняется разве в памяти прежних служащих. Я не о том говорю, что переставлены стулья с места на место, а о том, что **вся картина дома**, как ее рисует наш склад, может дать представление только о **кладовой или о чердаке** и ни о чем больше. Как исторически бытовой памятник музей не говорит ничего больше, как только то, что вот такие и такие вещи водились в доме. И цена такому историческому музею небольшая.

И затем, есть вещи слишком ценные при нашей художественной бедности, чтобы из них делать только детали, только подробность обстановки кладовой. Рукопись Крылова, может быть, храня-

щая очень ценные варианты его басен, драгоценность для истории литературы. Картины вообще нет у нас. Не расточительно ли через меру украшать ими стены кладовой.

Отдельно и уже в самых суровых и жестких словах надо говорить о библиотеке замка. Пять лет ни одна книга ни одному человеку не была выдана. Громадные книжные ценности, десятки тысяч экземпляров стоят без всякого употребления. Раз десять объявлялось за эти годы об открытии читальни, о выдаче книг для научной работы, по ни разу ни одна книга не была никому дана. Скажут, что литература там собрана не поудобная, что большинство книг на иностранных языках. Так что? Разве в Москве книгохранилища с непопулярной литературой закрыты для пользования. Или научные издания, нужные пока немногим, не нужны вовсе.

А если решительно никакого употребления нельзя придумать для этих книг, то отдайте их туда, где они нужны—такое места в республике найдется. Все думают, как бы хоть десятком научных книг пополнить библиотеку, а здесь под бок книжные сокровища лежат без движения и дела потому только, что кому-то певдомек, что книга для того сделана, чтоб ее кто-то читал, и не прятать, а напоказ выставлять надо книгу, чтоб ее только читали. Это в том случае, если есть у музея иные задачи в области народного просвещения, чем подпушки князя поправлять.

Растащут—оставьте сохранность книги всеми доступными гарантиями. В целом мире читают же и не боятся того, что растащут.

Сделайте из склада музей и библиотеку, умеете использовать их—и вы убедитесь, какие богатства лежали пять лет под снудом, сбереженные, но неиспользованные. Как мартышка с очками, не знаем мы употребления того, чем владеем. Не велика штука охранять склад и по билетикам пускать посетителей на роскошь чужую

в отдах осовелыми глазками хлопать. Еще раз говорю: кроме хлопанья глазами на чужую роскошь ничего от музея в теперешнем его виде не получится. И мне жаль тех серьезных людей, которые с образовательной целью бродят по этому складу экскурсиями, хлопаят глазами и думают, что делают дело.